

Заглавие документа:

Уланович О.И. Понимание речи как смыслоформирующее звено в речевой переводческой деятельности: лингводидактический аспект / Уланович О.И. // Иностранные языки в профессиональной коммуникации: материалы Респ. науч.-практ. семинара, Гродно, 26 апр. 2013 г. / Гродн. гос. ун-т; под ред. Гончар С.В., Шульга О.К. – Гродно: ЮрСаПринт, 2013. – С. 39-49.

Автор: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Психология речи

Дата публикации: 2013

Издатель: Гродненский государственный университет

Аннотация:

Лингводидактика перевода требует вскрытия тех особых сторон понимания речи (этапа, предваряющего собственно перевод), которые уникальны, своеобразны, отчасти противоречащие общепсихологическим особенностям понимания, что детерминировано условиями переводческой деятельности. Так, в контексте перевода понимание – это не самоценный процесс мышления: это результативный, но не завершающий этап более масштабного процесса, не приемлющий избытка субъективного видения, характеризующийся диалогичностью как установкой на потребителя перевода, допускающий вариативность понимания с позиции достаточности в различных ситуативных и контекстуальных условиях перевода.

О.И. Уланович

Белорусский государственный университет

**ПОНИМАНИЕ РЕЧИ КАК СМЫСЛОФОРМИРУЮЩЕЕ ЗВЕНО В
РЕЧЕВОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Проблема понимания речи выступает ключевой категорией в целом ряде направлений научного знания, связанных с изучением языка и мышления, языкового сознания, вербально-когнитивных процессов человеческого познания. Будучи теоретически глубоко рассмотренной темой в гносеологии, когнитивной психологии, лингводидактике, проблематика понимания не снискала должного внимания со стороны лингвистов – исследователей перевода. Являясь с позиции феноменологии вербально-когнитивным процессом, перевод в контексте лингвистической теории традиционно рассматривается в своем результативном аспекте, предполагающем оценку качества перевода (как продукта и результата) по критериям адекватности и

эквивалентности. Существенным упущением подобного рассмотрения технологии перевода является игнорирование результативности первого этапа перевода – восприятия переводчиком оригинала. Достижение понимания текста (или же частичное или полное непонимание оригинала) предопределяет адекватность / неадекватность перевода и в значительной мере детерминирует уровень его эквивалентности.

В терминологии В.П. Зинченко речевосприятие оригинала при переводе выступает процессом «осмысления значения» [5, с. 274] – процессом перевода на язык смыслов (язык интеллекта) некоторого содержания, выраженного через комплекс знаково-символических значений. Следующий этап речевой переводческой деятельности – речепорождение – предполагает обратную процедуру: передачу осмысленного знания собеседнику средствами другого языка. Этот этап в теории В.П. Зинченко именуется процессом «означения смысла» [5, с. 274]. Бесспорно, что успешность этапа «означения смысла» является прямым следствием успешности установления этого смысла в процессе «осмысления значения».

Феноменологический аспект понимания речи заключается в рассмотрении этого процесса как: (а) превращения чужого в «свое-чужое» (М.М. Бахтин), (б) определенного рода думанья (А.М. Пятигорский), (в) свободы находить новые смыслы (А.А. Брудный), (г) когнитивного процесса постижения содержания, смысла (В.П. Зинченко), (д) перехода от поверхностной структуры текста к его ядерной репрезентации (Н. Хомский), как (е) перцептивно-мыслительно-мнемического процесса (И.А. Зимняя), (ж) активного процесса «ответа», диалогичного по своей сути (Э.Л. Куцова, трактующая с помощью этой дефиниции диалогическую природу понимания в лингвистической концепции М.М. Бахтина) и т. д.

Изучение понимания речи в его общем феноменологическом аспекте является предметом исследования когнитологии. Лингводидактика перевода как теория и методика формирования переводческих компетенций, в отличие от когнитологии, требует вскрытия тех особых сторон явления понимания речи, которые уникальны, своеобразны, отчасти противоречащие общепсихологическим особенностям понимания, что детерминировано условиями переводческой деятельности.

В контексте перевода понимание – это, во-первых, не самоценный процесс мышледействования, имеющий в качестве конечного продукта понимание как результат; это *результативный*, но *не завершающий* этап более масштабного процесса речевой деятельности.

Во-вторых, *субъективизм* понимания речи воспринимающим субъектом (вариативность понимания и интерпретируемость текста) – общекогнитивная характеристика понимания – категорически недопустим при восприятии оригинала в контексте перевода.

Понимание при переводе выступает ярчайшим примером и непосредственным доказательством в свое время определенного М.М. Бахтиным свойства *диалогичности* понимания [1]. Однако (и это – в-третьих), суть диалогичности понимания в контексте специфики перевода

никак не заключается в активной ответной позиции понимающего реципиента по отношению к воспринимаемой информации: согласие, несогласие, дополнение, применение (как диалогичность понимания трактует собственно сам М.М. Бахтин [1, с. 259]). И далее, суть диалогичности понимания, опять же, вовсе не сводится к более глубокому познанию (пониманию) субъектом некоторого знания в процессе объяснения его другому субъекту (в процессе диалогического общения) (как трактует бахтинскую диалогичность понимания К. Эмерсон) [13]. В контексте переводческой деятельности *диалогичность* понимания как процесса и результата первого этапа перевода предполагает, по нашему убеждению, *установку на потребителя перевода*: понимание с учетом менталитета, ценностных установок, доминант лингвокультуры реципиента перевода (но никак не понимающего субъекта – переводчика, посредника в общении).

В-четвертых, можно отметить и существенные отличия качественных характеристик результативности понимания, рассматриваемого в общекогнитивном аспекте, и понимания речи в контексте перевода как вербального процесса. В настоящее время при обучении восприятию и пониманию иноязычной речи (аудированию и чтению) в искусственной языковой среде особое внимание уделяется внешней методической организации процесса работы над текстом (чтение, перевод, вопросно-ответная форма контроля, пересказ) при бесспорном признании преподавателями факта необходимости как можно более глубокого понимания иноязычного текста. Вопросы вариативности результата понимания, таким образом, фактически игнорируются, тогда как важным представляется рассмотрение и оценка такого понятия как *степень достаточности понимания иноязычного текста*, что детерминировано условиями и целью восприятия информации.

Если в общеметодическом плане при обучении чтению иноязычного текста, все же, теоретически, существуют понятия просмотрового, ознакомительного, изучающего и поискового чтения, что, кстати, в лингводидактической практике почему-то не распространяется на методику обучения аудированию, то в переводческой лингводидактике вопрос о *степени достаточности понимания оригинала* для успешного осуществления перевода и вовсе не рассматривается. Определение качественно-количественных показателей результативности понимания иноязычного текста оригинала при переводе, состава операциональных процедур актов речевосприятия и понимания, их специфики при различных объективных условиях восприятия в реальной переводческой деятельности принципиально необходимо для формирования соответствующих навыков и умений речевосприятия в контексте перевода. Это, можно, утверждать, является основой компетентности специалиста в том или ином виде перевода.

Итак, М.М. Бахтин, признавая принципиальную возможность декодирования (а, значит, понимания) всякой знаковой системы (в частности системы языка), категорично отвергает потенциальную возможность полного перевода текста: «Всякая система знаков (т. е. всякий «язык»), на какой узкий коллектив ни опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть

расшифрована, т. е. переведена на другие знаковые системы (другие языки); следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков. Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов» [1, с. 303].

В свою очередь В.П. Зинченко более категоричен уже в отношении категории человеческого понимания и языка смыслов: «Собственный опыт человека разумного свидетельствует о том, что полный перевод с языка значений на язык смыслов и с языка смыслов на язык значений невозможен» [5, с. 276]. Нельзя не отметить справедливость этого постулата, высказанного автором в отношении понимания и порождения речи при общении, и по отношению к процессу перевода. Подобно невозможности «в человеческом общении стопроцентного понимания» [5, с. 176], в переводе невозможно стопроцентно достоверной передачи содержания и смысла, поскольку перевод – *вдвойне субъективное явление*, дважды преломляемое через сознание переводчика-посредника: во-первых, при понимании оригинала, во-вторых, при вербализации информации на языке перевода.

В свое время А.А. Смирнов одним из первых предложил рассматривать глубину, отчетливость и полноту в качестве ключевых критериев результата понимания, которые вариативны как в отношении статического (окончательного) результата понимания, так и в отношении динамики понимания (в процессе понимания имеет место изменение данных параметров) [10]. Выделенные А.А. Смирновым ступени глубины понимания и стадии отчетливости понимания, можно полагать, вполне справедливы в отношении феноменологического аспекта общекогнитивного явления понимания (с допущением спорности некоторых моментов его теории). В отношении понимания речи в контексте перевода предлагаем авторскую теорию вариативности уровней понимания при сохранении категориальных критериев оценки результативности понимания: *точности, полноты и глубины*.

Точность понимания оригинала при переводе предполагает верное восприятие, а также последующую передачу средствами другого языка представленной в тексте *прецизионной* информации: *буквенной* (имена собственные, географические названия, названия организаций, фирм, корпораций, месяцев и дней недели, наименования торговых марок и брендов продукции), *цифровой* (числительные, даты, формулы, единицы величин и мер), *позиционно-номинативной информации* (собственные имена (номинаты), сопровождаемые указанием должности, титула, звания и т. д. (позицилаты)). Независимо от формы перевода (письменный / устный) и вида перевода (выделяемого на основании функционально-стилистической и коммуникативной направленности текста) понимание и передача прецизионной информации *не имеет степеней свободы* – точность выступает единственным и невариативным критерием качества понимания и перевода.

Полнота понимания оценивается посредством количественной фиксации всех существенных объектов и явлений и их признаков, указанных в оригинале – это понимание в поле всего массива предметных значений. Данный критерий

качества понимания, можно утверждать, вариативен в зависимости от формы перевода (письменный / устный).

Возможность достижения оптимальной полноты понимания оригинала, существующая при письменном переводе, фактически исключена в условиях устного перевода. Неравные условия порождения устной речи на языке оригинала и перевода (неравнозначность слоговой величины речи), дефицит времени, лимит скорости речемыслительных операций и имеющее место снижение уровня осознания и контроля над совершением отдельных речевых действий предопределяют допущение в устном переводе некоторого искажения воспринимаемого материала: нарушение последовательности информационных единиц и речевая компрессия (опущение, обобщение, объединение предложений, перефразирование, замена структуры предложения: сжатие, упрощение синтаксиса). Стратегия компрессии в синхронном переводе (затрагивающая 30 – 37 % текста [12]) возможна благодаря информационной избыточности речи, (достигающей более 70 % [4]), реализуется на слоговом, семантическом, лексическом и синтаксическом уровнях [4, с. 87] и затрагивает преимущественно критерий *полноты* понимания и перевода текста оригинала.

Мы полностью согласны с мнением А.А. Смирнова, в свое время указавшим именно *глубину* в качестве основной характеристики понимания, которая определяется тем, «до какого порядка сущности проникает наша мысль в процессе понимания» [10, с. 168]. Предположительно, глубина понимания речи репрезентирует *вертикально направленное движение мысли* – движение по уровням смысла текста, при котором реципиент мысленно движется к более высоким уровням понимания, «вскрывая различные стороны предмета, более существенные для него, выявляя более разнообразные связи его с другими предметами, явлениями реального мира» [10, с. 168].

Очевидность нелинейности смыслового уровня текста позволяет нам представить его в виде иерархично организованной структуры: *содержание текста, общий смысл, скрытый, глубинный*.

Понимание на уровне *содержания* текста в предлагаемой нами структуре представляется нулевым уровнем глубины понимания в силу линейности ментальной организации воспринимаемой информации, сильной привязки к словесной формулировке, формальности целостного объединения информационных единиц текста (преимущественно в соответствии с порядком следования в оригинале). *Содержание* текста предлагаем рассматривать как совокупность эпизодов, сцен, действий, связанных в целостно оформленное событие преимущественно за счет установления между ними пространственно-временных отношений и связей [11, с. 20]. Понимание текста на уровне содержания формально, по сути, нерефлексивно в отношении глубины уяснения тонкостей мыследействования продуцента и коммуникативного контекста.

Схематично понимание на уровне содержания мы можем представить как *горизонтально направленное движение мысли* реципиента вдоль текста из сменяющих друг друга слов, фраз, предложений – от одного текстового элемента к последующему. Данное явление в терминологии Л.Н. Мурзина

определяется как закон инкорпорирования [8]. Вливание последующего смысла в предшествующий образует инкорпорирующий комплекс – результат «сгущения мысли» и укрупнения текстовых единиц.

Истинное понимание предполагает уяснение смысла сообщения: между информационными элементами оригинала, помимо ранее определенных пространственно-временных отношений, прогностическим путем устанавливаются причинно-следственные связи, реципиентом делаются выводы о логике развития действий и предъявления информации, об идеальных аффективно-оценочных аспектах мыследействования продуцента.

Понимание на уровне *общего смысла* текста – вскрытие переводчиком общего коммуникативного контекста и преломление содержания сообщения через призму соответствующих объективных условий, что ведет к уяснению каузальных детерминант действий. Такое понимание рефлексивно.

Более глубокое понимание представляется выявлением *скрытого смысла*, импликации посредством вскрытия подтекста авторского слога, стиля, словесно-семантической игры, аллюзий, прагматического контекста. Понимание на этом уровне можно определить как рефлексию 2-ого порядка. Успешность понимания на уровне скрытого смысла возможна, по нашему убеждению, в случаях, во-первых, отличного владения языком, во-вторых, наличия значительного объема фоновых знаний, в-третьих, владения языковыми механизмами остроумия. Последнее предполагает если не активное использование умений вербальной игры со смыслами, то, как минимум, наличие рецептивного уровня вербального остроумия [11, с. 21 – 22].

Установление *глубинного смысла*, который, в свою очередь, ограничен лишь богатством индивидуального опыта реципиента, является, по сути, актом самопознания субъекта, интеграции текста в индивидуальную картину мира, рефлексией 3-его, 4-ого, n-ого порядка. В соответствии с теорией А.А. Смирнова именно на этой стадии понимания происходит «освобождение от словесной формулировки», реципиент-переводчик отступает от подлинника, изменяет формулировки и последовательность изложения, обобщает материал и т. д. [10, с. 150].

Таким образом, глубину понимания при переводе можно схематично представить как скачкообразное перемещение мыслительного центра по уровням смысла (содержание – общий – скрытый – глубинный), что создает эффект включенности информации в обширную и структурированную систему знаний индивида о языке, обществе, мире, самом себе.

Выявленная нами вариативность понимания речи в его результативном аспекте позволяет далее определить *степени достаточности понимания оригинала* для успешного осуществления перевода в соответствии с различными объективными и субъективными условиями перевода: формами осуществления перевода, функционально-коммуникативными и жанрово-стилистическими видами перевода.

Так, благодаря наличию художественно-эстетических и поэтических доминант, первичности функций эстетического воздействия и создания художественного образа [6, с. 94], художественный текст требует понимания

глубинного смысла для осуществления адекватного перевода и сохранения идентичного по силе и качеству эффекта художественно-эстетического воздействия. В этой связи целесообразно вспомнить выделение В.С. Виноградовым двух фаз процесса художественного перевода: а) *допереводное* восприятие – перцепция произведения в первом (иногда втором и более) чтении, предполагающая глубокое осмысление, осознание реципиентом-переводчиком художественной ценности и стилистического своеобразия авторского оригинала, и б) *собственно переводное* восприятие – непосредственное восприятие конкретных слов, предложений, фраз, абзацев и т. д. в момент непосредственно перевода [3, с. 115].

Достаточным для информационного (научно-технического, военного, медицинского) перевода является понимание оригинала на уровне *общего смысла*, что не исключает необходимости проникновения на более глубокие пласты смысла в зависимости от жанрово-стилистического колорита информационного повествования. Так, юридический перевод, равно как и перевод газетно-публицистических, общественно-политических и экономических текстов с большой вероятностью потребует уяснения *скрытого смысла*, благодаря детерминализации экономической терминологии и метафоризации в текстах масс-медийного, экономического и политического дискурса.

Работа переводчика-синхрониста в режиме реального времени предопределяет пофазную рецепцию текста на языке оригинала. Имеет место переводное восприятие текста, осуществляемое как понимание по «закону инкорпорирования» [8] или понимание по принципу «знакового атомизма» [7]. Восприятие речи переводчиком-синхронистом реализуется как горизонтально направленное движение мысли вдоль текста, знаменующее понимание на уровне *содержания*, что вполне достаточно с учетом условий синхронного двуязычия. Принцип «знакового атомизма», рассматриваемый Э.Л. Куцовой как весьма ущербный при оперировании информационными единицами в силу неспособности задать критерии полноценного общения (содержательные, смысловые, экспрессивные факторы) [7], не просто уместен, а желателен при восприятии оригинала при синхронном переводе. Формирование умений понимания устной речи по принципу знакового атомизма способно обеспечить компетентность переводчика-синхрониста.

Можно утверждать, что для каждого типа и вида перевода этап речевосприятия имеет свои динамические и результативные характеристики, знание которых позволяет экономно и рационально распределять когнитивный потенциал переводчика. Результаты настоящего теоретического исследования выступают психологическим обоснованием разработки определенного информационно-методического сопровождения, использования наиболее эффективных методов и приемов обучения пониманию в контексте переводческой лингводидактики. Это позволит обеспечить формирование перцептивной готовности будущего переводчика как сформированного комплекса дифференцированных согласно видам и формам перевода умений

понимания, обеспечивающих исключительно достаточный в соответствии с условиями перевода уровень понимания оригинала.

Успешное осуществление первого этапа в переводческой речевой деятельности – речевосприятия – выступает фундаментом для дальнейших действий интеллектуального характера по поиску максимально адекватной формы воплощения понятого содержания и смысла средствами другого языка.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Брудный А.А. Наука понимать / А.А. Брудный. – Бишкек: Фонд «Сорос — Кыргызстан», 1996. – 324 с.
3. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Гурин И.В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе. Подходы и методы исследования / И.В. Гурин // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2008. – Ч.1. – № 1. – С. 85 – 88.
5. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики: Учеб. пособие / В.П. Зинченко. – М.: Гардарики, 2002. – 431 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
7. Куцова Э.Л. Диалогическая природа понимания в лингвистической концепции М. Бахтина / Э.Л. Куцова // Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2010/Philologia/68651.doc.htm. – Дата доступа: 13.05.2013.
8. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: УГУ, 1991. – 172 с.
9. Наролина В.И. К проблеме уровней понимания / В.И. Наролина // Вопросы психологии. – 1982. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1982/826/826125.htm>. – Дата доступа: 13.05.2013.
10. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 420 с.
11. Уланович, О.И. Динамический и результативный аспекты восприятия речи в контексте речевой переводческой деятельности / О.И. Уланович // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 18 – 24.
12. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. – М.: Международные отношения, 1978. – 208 с.
13. Эмерсон К. Интервью / К. Эмерсон // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1994. – № 2. – С. 119 – 123.